ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ
СЕНЬКИ ЛУНЁВА

ЗВОНОК ИЗ ПУСТОЙ КВАРТИРЫ

РУСЛАН АСТЕРОВ

Руслан Астеров

Звонок из пустой квартиры

«Автор»
2026

Астеров Р.

Звонок из пустой квартиры / Р. Астеров — «Автор», 2026

Петербург, 1899 год. Над сломанной ручкой звонка написано: «Не стучать». Квартира пуста. Но стоит Сеньке задержаться у двери, как за ней раздаются три отчётливых вызова.Сенька, Надя и Филька собирались всего лишь дорисовать двор на своей карте Петербурга. Теперь им приходится следить за ящиками, путаться в чужих объяснениях и выяснять, откуда среди старого хлама взялась серебряная птица с обломанным крылом.На тёмной лестнице легко вообразить привидение. Гораздо труднее понять, кому из живых можно доверять. Особенно когда вещи уже готовят к вывозу, а взрослым пока нечего предъявить, кроме рассказа о звонке, который звонит сам собой.

© Астеров Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не стучать 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Руслан Астеров
Звонок из пустой квартиры

Глава 1. Не стучать

Мать отпустила Сеньку после того, как проверила обе завязки.

— Илья Фомич должен примерить при тебе. Если тесно — принеси обратно, я распущу бок. Не оставляй со словами «наверно, подойдёт».

— А если его нет?

— Спроси, когда будет.

— А если сегодня не будет?

— Семён, сначала дойди.

Марья Лунёва шила на заказ; сегодня на её коленях лежала такая гора серой ткани, что из-под неё виднелся один напёрсток. Её двенадцатилетний сын Сенька помог вытянуть из-под стула катушку и получил свёрток, лёгкий, но широкий. В нём было два холщовых чехла для больших альбомов. Переплётчик заказал их по мерке, которую прислал на полосе картона.

Отец, дворник Егор Лунёв, возился у ворот с петлёй. Когда Сенька проходил мимо, он держал створку плечом и разглядывал гвоздь, как будто тот лично его обманул.

— К Зотову? По улице иди. Через чужие дворы опять насквозь не выйдешь.

— Мы только посмотрим, где проход.

— Посмотреть — выйдешь. Пройти — придётся возвращаться.

Сенька решил запомнить это до ближайшего угла.

Надя Корсакова, его ровесница и соседка, ждала за воротами. Из-под её пальто торчала свёрнутая бумага. Взять всю карту им не разрешили: на ней ещё не высохла подклеенная кромка. Надя принесла отдельный лист для нового двора и короткую линейку. На верхнем краю было написано «Наш Петербург» — так же, как на общей большой карте, которую они делали втроём с Филькой.

— Зачем сразу название? — спросил Сенька. — Мы ещё ничего не нарисовали.

— Чтобы ты не развернул на ней пирог.

— Один раз было.

— Значит, мера действует.

У угла он действительно вспомнил, потому что Надя уже показывала на узкий промежуток между двумя домами. Там сушилась длинная полосатая тряпка, похожая на флаг.

— Здесь на прошлой неделе было открыто, — сказала она.

— Так мы туда не идём.

— Я смотрю.

Сенька наклонился к щели. За первой аркой была видна вторая, за второй — светлый квадрат, который вполне мог оказаться улицей. Но возле самой дальней стены стояла лестница. На её верхней перекладине висел такой же полосатый конец.

— Это двор, — сказал он. — Улица бы за лестницей дальше шла.

Надя поднялась на носки. Не достала, отступила.

— Потом с другой стороны проверим. Сейчас я только отмечу.

Она поставила на листе короткую чёрточку, оставив рядом место. Сенька заметил, что имя на бумаге она вывела аккуратно, а сама первая черта получилась косая.

— Название прямее дома, — сказал он.

— Название я дома писала. Тут ты толкаешь.

Он отвёл локоть. Свёрток занял почти весь проход, и Наде пришлось подождать, пока он повернётся.

Большую карту они делали уже не первый день. На ней помещались дом, булочная, несколько улиц и такие места, до которых Сенька ещё только собирался дойти. Надя хотела показать готовый кусок одному из отцовских учеников. Тот никак не мог понять, почему, переходя с одного берега на другой, иногда всё равно надо идти мимо того же дома.

— Он думает, мост всегда напротив того места, куда ему надо, — объяснила она.

— Удобно.

— Поэтому и не сходится.

Сенька посмотрел на дальнюю арку. Хорошо бы и правда ставить мосты там, где нужно, а не обходить с материной работой до перекрёстка. Он повыше поднял чехлы и пошёл за Надей.

За Крюковым каналом ветер дул прямо в лицо. Свёрток надувался, Надина бумага хлопала по рукаву. У чугунных перил они пропустили женщину с корзиной, потом человека с длинной связкой реек. Рейки поворачивали раньше человека, и Сенька едва успел прижать к груди чехлы.

Он хотел отметить на листе узкий поворот с моста. Надя напомнила про примерку, и они пошли дальше, споря, можно ли считать улицу прямой, если по ней нельзя пройти прямо.

Книжную лавку они нашли по тёмной витрине. За стеклом лежала открытая книга с изображением рыбы, над ней стояли фарфоровые чашки без блюдец, а к одной чашке была прислонена цена. Сенька прочёл её дважды.

— Это за чашку или за рыбу?

— За то, что под ценой.

Под ценой оказались оба предмета.

Сенька наклонился ближе. В стекле рядом с рыбой появился Филькин нос.

— Покупай, — посоветовал Филька Сорокин. — Рыбу оставь, а чашку мне. Я из неё по праздникам пил бы.

Он держал корзину с хлебом на согнутой руке; на плечах лежала мучная пыль. Филька служил в булочной и знал столько задних входов, сколько Сенька пока не сумел бы уместить на своей карте. Зато Сенька уверенно чертил прямые линии — если Надя не смотрела.

— Тебе сюда? — спросила она.

— Хозяйке два калача. Наверх один. И обратно корзину до пяти.

— Мы тоже наверх.

Филька покосился на их свёрток.

— Хлеб теперь и в белье заворачивают?

— Это чехлы.

— Жаль. Я уж испугался, что вы меня обогнали.

Он первым толкнул дверь лавки. Колокольчик над ней коротко звякнул, совсем обыкновенный: видимый, с железным язычком. Сенька машинально поднял голову.

За прилавком сидела женщина в пенсне. Она держала обеими руками книгу, раскрытую на весу, и не опустила её, пока Филька не поставил корзину на свободный табурет.

— Не на корешки, — сказала она Сеньке.

Он ещё не успел ничего положить.

— А куда?

Женщина указала на свободный край прилавка. Там лежала деревянная дощечка; на неё Сенька и опустил свёрток. Широкий узел сразу оказался возле раскрытой книги, и хозяйка отодвинула книгу к себе.

— Наверх несёшь?

— К Илье Фомичу. Чехлы.

— Тогда здесь не развязывай. У меня потом обёртки между листами остаются.

Надя заглянула в раскрытый том. На странице был большой рисунок берега: люди разгружали лодку, длинная мачта уходила почти до самого верха. Сенька повернул голову, разглядывая ту часть, которую сперва заслонял узел.

— Она продаётся?

— Всё продаётся. Только эту не поднимай за одну сторону, тяжёлая.

Сенька не поднимал. Лодка лежала у невиданного берега, на берегу стоял дом с плоской крышей. За домом росло что-то похожее на перевёрнутые метёлки. Каждую метёлку художник вывел отдельно.

Филька наклонился со своей стороны.

— Вот таким у нас воду из канавы выгрести.

— Это пальмы, — сказала Надя.

— Я не про метлу. Про лодку.

Хозяйка посмотрела на них поверх пенсне.

— Рисунок рассматривать можно. По книге хлеб не крошить.

Филька немедленно поднял калачи выше, хотя крошек с закрытой бумаги ещё не упало.

На соседней полке стояла маленькая круглая коробка. Сенька сперва принял её за пенал с циркулем, но сбоку оказалось написано про перья. Он отодвинулся. Его девять копеек оставались дома; здесь всё равно нельзя было ничего покупать, не узнав прежде цену и не доставив чехлы. Надя уже убрала руку от тома и повернулась к коридору.

— Я не кладу.

— Теперь и не положишь. Это хорошо.

Женщина представилась Елизаветой Ивановной Бородиной и приняла хлеб. Деньги она вынула из маленького ящика, отделённого от остальных книг жестяной крышкой. У Фильки нашлась сдача; обмен прошёл так быстро, что Сенька понял, сколько тот получает за калачи, уже когда монеты исчезли.

— К Илье Фомичу? С парадной справа от лавки, — сказала хозяйка. — Через двор не идите. Там тащат имущество, опять всё загородили.

— Вчера можно было, — заметил Филька.

— Вчера не тащили.

Сенька посмотрел сквозь открытую заднюю дверь. За лавкой тянулся коридор. В дальнем окне серел двор, а сбоку, в полутёмной комнате, лежали рулоны бумаги, стопки журналов и пустая корзина с двумя короткими дощечками. Из лавки был виден только ближайший угол; дальше свет загораживала дверь.

Из этой комнаты выбрался долговязый парень с пачкой картона. Он нёс её перед собой, упираясь подбородком в верхний край.

— Елизавета Ивановна, а если я это у лестницы поставлю?

— Тогда по лестнице никто не пройдёт.

— Зато тут пройдут.

— Данила.

Парень остановился. По тому, как хозяйка произнесла его имя, Сенька узнал особенный взрослый способ прекращать рассуждения.

— Я снесу наверх, — сказал Данила. — Только опять спускать придётся.

— Вот и скажи Илье Фомичу, что я хочу поговорить об этой комнате. Сколько можно мерить её одними глазами.

Данила развернулся, едва не смёл картоном подвешенную к двери щётку и пропал в глубине коридора.

Филька подхватил корзину.

— Нам справа.

На улице Надя всё-таки развернула лист. Сенька поставил маленький прямоугольник лавки у края, обозначил коридор и уже хотел протянуть линию насквозь, когда Филька ткнул ногтем в бумагу.

— Ты там ещё не был.

— Я окно видел.

— Через окно с корзиной неудобно.

Надя засмеялась. Сенька стёр конец линии большим пальцем. На бумаге осталась серая грязь, и двор сразу приобрёл жилой вид.

* * *

Парадная была сухой, с узкой ковровой полосой до первой площадки. Сенька по привычке сосчитал ступени и сбился, когда Филька перешагнул через две.

Наверху пахло разогретым клеем. В четвёртой стучали, и Надя постучала в ответ. Им открыл тот самый долговязый парень, теперь без картона.

— Вы через дверь? — спросил он.

Филька оглянулся.

— Хотели через окно, но не пустили.

Данила посмотрел на него, потом на Сеньку и посторонился.

В мастерской всё было занято: стол — досками и книгами, стул — книгами и фартуком, подоконник — банками. Даже у печки стояла стопка. Только узкая дорожка от двери к столу оставалась свободной, и Данила немедленно занял её ногами.

Мастер сидел в круглых очках, низко надвинутых на нос. Его седые волосы поднимались по бокам, а на макушке были старательно приглажены.

— Чехлы от Марьи Лунёвой? Хорошо. Данила, большой альбом. Не тот большой, который малый. Другой.

Данила безошибочно выбрал нужный. Сенька решил пока не спрашивать, как они различают размеры.

Илья Фомич Зотов вымыл пальцы в миске, вытер полотенцем и только тогда развязал свёрток. Первый чехол сел свободно. Второй остановился на половине альбома. Сенька вспомнил материнское распоряжение и потянулся за ним.

— Не подошёл. Я обратно возьму.

— Постой, ты куда его несёшь?

Мастер перевернул альбом. Чехол оказался надет поперёк.

— Мерку не к этой стороне прикладывали, — сказал он и натянул ткань правильно. — Вот. Теперь годится. Матери передай: расчёт в понедельник, как уговаривались. И спасибо за лишний подгиб, он пригодится.

Сенька кивнул, пряча пустую обёртку. Филька отдал мастеру хлеб. Данила потянулся за калачом раньше времени, получил от Зотова взгляд поверх очков и вернул руку на стол.

— Это на ужин, — сказал мастер.

— Я только корочку посмотрел.

— Хороша?

— Очень.

— До ужина не испортится.

Надя ждала у двери, прижимая бумагу к груди. Зотов заметил лист.

— Что там?

Она показала незаконченную схему. Мастер указал на заднюю часть дома:

— Здесь лестница дворовая. Моя дверь с той стороны дальше. А третья квартира вытянута вдоль всего флигеля. Раньше была больше, потом разделили.

— А здесь кто? — спросил Сенька.

— В третьей никто не живёт.

— С весны, — добавил Данила. — Всё лето место пустое. Я говорил, можно было бы наш картон в заднюю комнату…

— Ты говорил.

— А теперь туда ящики наставили. Чужие. И внизу тоже.

Зотов снял очки и начал протирать. Данила замолчал, но потом всё-таки добавил:

— Я бы один день прибрал, и готово.

— Когда тебя спросят, сколько нужно дней, ты ответишь. А пока убери, пожалуйста, наш собственный стол.

Сенька посмотрел на схему. Квартира без жильцов, с ящиками, через весь флигель. Рисовать такое было интереснее прямоугольника лавки. Он попросил завтра заглянуть со двора.

— Со двора смотрите, — сказал Зотов. — Только жильцов не пугайте измерениями. Прошлый раз пришли мерить окна, так полдома решило, что квартплату прибавят.

Данила фыркнул. Надя аккуратно свернула лист.

* * *

На площадке Филька заглянул в корзину, проверяя, ничего ли не забыл. Сенька остановился у третьей двери.

Дверь предлагала позвонить предметом, которого у неё не было. На медной накладке остались два тёмных отверстия. Над ними косо висела картонка: «Не стучать. Звонить».

Картонка болталась от сквозняка. Рядом с пустой накладкой торчала короткая потемневшая проволочка. Её конец загибался вниз, не доставая даже до нижнего отверстия.

Сенька потрогал только картон. Надя напомнила про обёртку, и он вернулся к четвёртой проверить, не осталась ли она у мастера. Не осталось.

Теперь поручение было выполнено совершенно. Можно было заниматься дверью.

— У них звонить нечем, — сказал он.

Филька присел, разглядывая накладку снизу.

— Может, надо своей ручкой приносить.

Он постучал костяшкой по дереву возле надписи. Тихо, два раза.

За дверью раздался звон.

Все трое замерли.

Он был негромкий, дребезжащий, будто маленькую чашку били ложкой. Прозвенел, стих. Сенька успел отвести руку от двери.

Снова зазвенело.

Пауза.

В третий раз звук вышел резче и окончился коротким металлическим треском. Потом из глубины квартиры донеслось что-то тяжёлое: не шаг, а длинное скольжение по полу.

Филька медленно выпрямился.

— Я не тянул, — сказал он.

Сенька смотрел на оборванный конец. Проволочка не шевелилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.